

Андрей Римский-Корсаков

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Есть ли жизнь на Марсе? Одни ли мы во Вселенной? Где вы, братья по разуму? Такие вопросы уже давно стали «притчей во языцех» в прессе разных стран и народов. У меня сохранилась старенькая газета французских коммунистов «Юманите» за 17 января 1961 года. В ней сообщалось, что американцы обнаружили и наблюдали в небе странный неопознанный объект в виде ракеты и были в высшей степени заинтригованы: что это было? Не привиделось ли им? Газета сообщала, что этот факт отметил радар вооруженных сил США на острове Симия, на Аляске. Вскоре «ракета» эта полностью растворилась, исчезла. А директор Московского планетария, некто Базыкин, заявил, что это все «чистая выдумка». Конечно, не это так уж важно сегодня – с тех пор много подобных сообщений было в печати. Но эта французская газета была куплена моим отцом в Петропавловске, где впервые в 1961 году в киосках стала появляться кое-какая заграничная пресса, в том числе и «Юманите».

Для города это была, безусловно, сенсация. Газет поступало очень мало, и их быстро разбирали. Много ли знатоков французского было тогда в Петропавловске, которые это могли читать – трудно сказать. Но газеты английские, французские и даже итальянские («Унита») разбирались быстро, и надо было иметь большой «блат» чтобы заполучить хоть что-то. Однако в газетном киоске при входе в городской парк в то время работала Зоя Константиновна Бэлза, мать известного позднее телеведущего Святослава Бэлзы. Она всегда оставляла отцу «Юманите» и другие газеты. Сыну ее тогда было лет десять. Он почти постоянно был за прилавком и помогал маме быстро найти нужную газету.

В то время в Северном Казахстане было достаточно людей, знающих иностранные языки, – из «бывших», которые сосредоточивались здесь со своей 58-й статьей, и лишенцы, и с «минусами б», то есть с запретом жить в больших городах – это и некоторые работники местного Облдрамтеатра, и врачи, и инженеры. В одном только домике на улице Карима Сутюшева, у Варвары Ивановны Гавриловой и ее сестры, собирались по праздникам такие ссыльные люди, как праправнучка Пушкина Н. Е. Воронцова или соратник С. П. Королева, родоначальник советского ракетостроения В. В. Разумов.

Отец наш, человек еще «старой школы», воспитанный в семье, где французский с детства был вторым языком, начал получать эти газеты с 1958 года от сестры, жившей тогда в Калининграде, и из Москвы, от моего брата. Он с интересом

прочитывал их от корки до корки, и самое любопытное пересказывал, то есть переводил для нас, своих детей. Вот он и прислал вырезку о «ракете» моему брату Дмитрию с кратким переводом.

Многостраничная, богато иллюстрированная газета «Юманите» на фоне всех советских газет выглядела очень привлекательно. Отец не раз отмечал в своих письмах: «С увлечением читаю Humanite. Какая у них жизнь высокого напряжения и как богата разнообразными впечатлениями». «Сколько там всяких событий, о которых мы понятия не имеем! Как разнообразна жизнь. Как много зла и как мало добра». А мне он однажды писал: «Тетя Натуся меня снабжает Humanite. Там так много любопытного, и я только бегло просматриваю. /.../ В Humanite много фотографий Хрущева во Франции. Интересно описано посещение им и Малиновским деревни, где он жил в 1916–17 годах. Они нашли старую хозяйку – уже бабушку, и кафе, где бывали русские солдаты и где работала молодая официантка Мари-Луиза, о которой Малиновский нежно вспоминал. Стараюсь сохранить все эти №№ газеты для вас. Это история».

Да, кое-что удалось сохранить. Но как пришлось пожалеть, что не знаю французского языка и не могу ничего прочитать! А ведь была возможность этот язык знать, хотя бы в зачатке. В 1944 году в Петропавловске отец наш познакомился с интересной дамой, очень отличающейся от местных женщин своим каким-то особым шармом. Одевалась она в непонятные серые, невзрачные старушечьи обноски, но что-то в ней было такое, что говорило о ее непросто́м происхождении. Хотя я и был еще очень мал, но уже тогда понял, что она совсем из какого-то другого мира, особенно, когда я раза два застал ее, о чем-то оживленно говорящей с моим отцом... по-французски.

Отец позднее вспоминал в своих мемуарах:

«Совсем в другом стиле была еще одна колоритная фигура, Наталья Константиновна Козловская. /.../ Возраст за 70, образование – институтское (Смольный). Социальное происхождение: потомственная дворянка, старинной фамилии. Умная, приветливая, доброжелательная, общительная. Преподавала французский язык. Как попала в казахские степи? Муж: профессор Михайловской артиллерийской академии, генерал, ученый. После революции он начальник артиллерии Кронштадта. После восстания [1921 года] уходит с дочерью в Финляндию и говорит жене: “Никто из большевиков не поверит, что царский генерал, беспартийный, не принимал никакого участия в восстании. Вернусь, когда страсти утихнут”. Однако старый генерал Козловский этого не дождался и, по-видимому, умер на чужбине. Отвечать за уход мужа пришлось Наталье Константиновне и ее сыновьям. Ее продержали около двух лет в одиночном заключении (где она, по ее словам, чувствовала себя, как дома), а потом она попала после разных передвижений в Петропавловск. Работала также медицинской сестрой и стала очень популярна в медицинских кругах. К ней все относились с большим почтением и уважением. Держалась она со всеми необыкновенно просто, без снисходительного высокомерия генеральши. Она очень придерживалась старинных обычаев и домашнего уклада жизни. Любила “по-французить” и изящно посудачить».

Вот тогда-то и возникла у отца безумная идея обучить нас с братом французскому языку. Наталья Константиновна согласилась давать нам уроки. Говорю, что идея была «безумная», потому что для таких уроков не было никаких условий,

прежде всего бытовых, квартирных. Нас было четверо на девяти квадратных метрах жилой площади.

Вот как вспоминает отец об этом:

«“Квартира” эта находилась на Советской ул. №73, во дворе, где помещается музей. Это был каменный полуподвал с одним окном, выходящим в стену. Еще недавно это помещение использовалось как кладовая для хранения вина и овощей. По стенам струились капли сырости, и днем горел свет, без которого нельзя было работать. В коридоре, отделенный от нас тонкой дощатой перегородкой, жил гражданин Калинин, у которого в кладовой помещалась химическая лаборатория, слесарная и паяльная мастерская. Здесь он приготавливал по ночам краски, которые продавал на барахолке. Кило краски для крыши он продавал по 1000 рублей! Синие, удушливые газы, как в душегубке, наполняли нашу комнату, несмотря на все наши протесты. Не знаю, почему мы терпели столь вопиющее безобразие со стороны этого спекулянта?

Плита была разрушена, и мы отапливались маленькой чугунной печуркой, которую топили щепками, и она к тому же дымила. Спали мы на досках, пока не удалось сделать сенник из мешковины. Люди, случайно заходившие к нам, выскакивали с испуганными лицами и говорили, что такие углы, как они слышали, бывают только у безработных негров».

В такую обстановку, конечно, приглашать княгиню Козловскую давать уроки нечего было и думать. Было решено, что мы с братом будем приходить к Наталье Константиновне в ее съемную квартиру. Там было чистоенько и уютно, хотя и очень скромно. Уроки проходили легко, она умело разъясняла нам с Димой азы французской грамоты, добивалась правильного произношения гласных. Но, к сожалению, продолжалось это очень недолго, всего занятий было немного, потом началась холодная мокрая осень, надо было ходить довольно далеко, а нужной обуви у нас не было. Занятия прекратились. Думали, что на время, но больше почему-то они не возобновились.

Так мы с братом остались без французского. Потом, уже в школе, потребовалось переключиться на другие языки, в том числе и на казахский. Последний почему-то давался мне с трудом, а вот брат, по-моему, в этом преуспевал. Во всяком случае до сих пор на наших семейных встречах любит он иногда «блеснуть» и читает запомнившееся ему стихотворение школьной поры о героях – строителях Турксиба. Звучит оно как-то так:

Тауды тіліп, тасты бұзып
Тамшылатып ащы тер.
Жан бармаған, жан білмеген,
Жан баспаған, тасты жер.
Қырдан асып, белді басып
жолды салған қандай ер?
Ол – қажырлы, ол – қайратты,
Қайсар, қайтпас – жұмыскер!

И позже с большим любопытством мы листали отцовские номера «Юманите», но только рассматривали фотографии, которых в нашей прессе никогда не было. Особенно интересны были газеты, освещавшие визит Н. С. Хрущева в США в 1959 году.

Отец писал нам с братом:

«Мне тетя Натуся Вершинина прислала номера Humanite с описанием пребывания Хрущева в Америке. Там очень много мелких подробностей, о которых у нас не писали. Подробно описывали все меню обедов и завтраков. В Белом доме на торжественном обеде подали не суп, а окрошку. Оркестр играл сюиту из “Лебединого озера” и “Серенаду для струнного оркестра” Чайковского. Кинозвезда говорит, что она в восторге от разговора с Хрущевым. “Я хотела его поцеловать но он меня об этом не попросил” (!!!) Сын, Сережа Хрущев, ездил покупать бабочки для своей коллекции, но хозяин магазина ему их подарил. Корреспонденты спросили Нину Петровну, есть ли у них свой дом и кто их обслуживает? Своего дома нет, живут в “резиденции”, а обслуживает их кухарка, горничная и няня. Почему-то никто не догадался спросить, сколько они получают зарплаты и сколько горничная.

Католический кардинал приказал бить в набат день и ночь по всем церквям, пока Хрущев находится на территории Америки. Когда Хрущев был в воскресенье в Camp David, то Айк (Эйзенхауэр) предложил пойти сопровождать его в церковь. Но Н. С. отказался: “Что обо мне подумают советские люди? Это их будет шокировать”. /.../ А ты заметил, с каким возмущением смотрел Никсон, когда Айк принимал вымпел с Луны? По правде говоря, это был неуклюжий подарок. Лучше бы было подарить какие-нибудь вазы из уральских камней».

И вот в других письмах, 1960 года, когда Хрущев пребывал во Франции:

«Получил все номера Humanite с описанием пребывания Н. С. Хрущева во Франции – чрезвычайно интересно, масса фотографий и даже меню завтраков и обедов, которые начинались икрой, русской водкой и борщом!» И вот еще: «Номера с описанием пребывания Хрущева во Франции исключительно интересны. Масса мелких подробностей, например меню обедов и завтраков, фото кровати и ванны, приготовленных для Никиты Сергеевича и “Нины”».

Дальнейшую судьбу княгини Козловской, нашей первой учительницы иностранного языка, так описывал отец в мемуарах:

«Я ее устроил медсестрой в школу слепых и с удовольствием наблюдал, как она умела найти “подход” к каждому ученику. А ведь тогда многие из них приходили с фронта с тяжелыми головными травмами и крайне возбужденной нервной системой.

Она получила незначительную пенсию. Сыновья не очень-то ей помогали. Она физически слабела. Очень трудно было ее уговорить поехать к сыну-инженеру на Урал. “Не хочу жить на чужой счет”. Потом писала оттуда, что опять стала давать уроки французского. Потом, что лежит в больнице...

Старые врачи тепло вспоминали ее, и как она умела красиво и вкусно организовать угощение гостей на праздничных вечерах. И еще ее особенность: в ее присутствии все как-то подтягивались и старались держать себя корректно. При ней врачам нельзя было рассказывать те анекдоты, которые они так любят, да и – прости, Господи! – не только врачи».

У Натальи Константиновны было четверо сыновей. Все они после Кронштадтского восстания были репрессированы. Один покончил с собой, другого расстреляли в 1937-м. Мотались они по лагерям и ссылкам, в основном в Казахстане – в Акмолинской области трудились на рытье арыков, в Караганде работали на шахтах.

Сохранилось несколько уральских писем Натальи Константиновны, по которым мы узнавали о том, как живет бывшая княгиня – хотя княжеское достоинство, как и всякое достоинство, разве может быть бывшим? Письма написаны из шахтерского города Кизел, Пермской области, где неподалеку отбывал ссылку ее сын Павел.

Вот некоторые отрывки из них.

«15.03.1947. Меня по-прежнему интересуют петропавловские знакомые, а здесь я не пустила корней. Сейчас я живу весьма скудно, так как карточки мне не дали, а уроков здесь в тайге трудно достать. Я научилась делать цветы из батиста; выходят хорошо, но ни у кого нет денег, а в Кизел везти – боялась морозов. Сын мой Павел Александрович освободится не раньше октября, а может, и прозимует здесь».

«25.11.1948. Помнить о своих друзьях совсем не трудно, тем более что новые в немолодые годы приобретаются не легко; от друзей всегда ждешь сердечности, отзывчивости, а подчас даже и некоторой помощи, которую ожесточенные борьбой за существование современные люди дать не могут и не умеют. То, что *Vous priez pour moi* [Вы молитесь за меня] – меня трогает и, может быть, доходит до Бога, так как мне живется хоть и не легко, но все же лучше, чем многим. Уж одно то, что у меня есть собственный угол – большое счастье. Угол в буквальном смысле, так как я заказала себе 2-метровый щит выше моего роста, а сбоку стоит прелестная, писаная масляными красками ширма (данная мне на время). В моем углу тепло, так как обе стены внутренние, а за ширмой плита, которую топят мои сожители, когда им удобно (чтоб мне не возиться) /.../

Меня в Москву не тянет, даже в Ленинград: потеряны почти все связи и могил матери и сына тоже уж не найти. Путешествие же, кроме громадных денег, связано с такой тратой сил, которые ничем не возместить. Вы правы, что Москва уж даже не город теней, так как ничто не вызывает воспоминаний. Но я и не хочу воспоминаний: они мешают мне тянуть мою лямку. Но мы с Вами разное реагируем на воспоминания: я всегда вижу свои ошибки и казнюсь за них. Скажи я в свое время то-то, не было бы того-то, и т.д., и жизнь пошла бы по другому руслу. Я твердо верю, что человек – кузнец своего счастья. Что город стал чужой – это несомненно, но и живут в нем чужие, новые люди, которые и куют новую, нужную для них жизнь. Покой же, нужный нам, усталым, мы должны создать сами. У меня он сейчас есть, но слишком мало денег, а потому и нет полного удовольствия от него, так как, кроме газеты и книги, хочется еще хорошего кофе с горячим молоком, белой булкой со сливочным маслом и сыром. Сахар у нас бывает с перебоями, но приходится стоять в очереди за ним, что мне теперь очень трудно».

«30.07.1950. По моему почерку Вы можете судить, как я постарела. Я сгорбилась, хожу медленно и часто на улице прошу кого-нибудь встречного помочь мне подняться на лестницу или в гору. Кизел весь на горах, и даже на почту, которая от меня в пяти минутах ходьбы, я хожу с трудом, так как обратно надо подниматься в гору. /.../ Павел Александрович в Молотове, быв. Перми, и в два месяца раз приезжает ко мне в 12 ч. ночи до 5 час. утра. Он часто ездит в командировку в окрестности Кизела. Вот завтра я его жду и уже приготовила ужин – стушила на плитке кусок мяса с молодым картофелем, который мне неожиданно принес в подарок мой милый хирург. /.../ Мой отъезд из Петропавловска служит часто темой наших воспоминаний с Павлом Александровичем.

Я живу очень скромно и не имею возможности одеться. Сейчас у меня лежит в мастерской демисезонное пальто из дешевого материала, а шить с подкладкой – 225 р. И вот оставшиеся 150 р. я никак не соберусь заплатить. /.../

Передайте моим друзьям мой горячий привет и таковой же шлю Вам и жду такого же письма с описанием Ваших радостей и огорчений.

Искренне расположенная к Вам

Н. Козловская».

Недавно кронштадтский журналист Марат Кузнецов сообщал в Интернете: «Сегодня из когда-то большой семьи Козловских не осталось в живых никого. Жена генерала, Наталья Константиновна, скончалась в 1958 году, в последние годы она жила с младшим сыном в Тольятти. Павел умер в 1971 году, а Дмитрий в 1975-м, Елизавета в 1995 году. Ни одному из детей Александра Николаевича не довелось дожить до того дня, когда события в Кронштадте получили объективную оценку, и Указом Президента было отменено постановление СНК, обрекшее генерала и его семью на тяжелые страдания».

Может быть, и не стоило так подробно вспоминать эту женщину: мало ли проживало в те времена известных людей в Северном Казахстане с не менее драматичными судьбами. Но вот наступили времена, когда пришлось не раз вспомнить княгиню Козловскую и ее уроки французского. Открылись архивы, и стало многое известно обо всех тех, кто не по своей воле менял адреса проживания и подвергался разного рода притеснениям. Появились фильмы о Кронштадтских событиях 1921 года и о семье генерала А. Н. Козловского. Перестала быть предосудительной и преступной связь с заграничными родственниками, «в рассеянии сухих», как принято было говорить в эмигрантской среде. Такие родственники нашлись и в нашей семье, в частности во Франции. Нашлась, совершенно неожиданно, семья нашего двоюродного брата Ивана, полностью пропавшая из вида в 1920 году. Самого Ивана, вывезенного из СССР еще ребенком матерью-французенкой, уже не было в живых, но осталось трое его взрослых детей: Жан-Пьер, Франсуаза и Аньес. Все трое, хотя и носят фамилию Римские-Корсаковы, но ни один из них почти совсем не знает русского языка. Поэтому первые письма от них из Франции были, естественно, на французском. Ох, как понадобился нам с братом французский язык тогда, в 1997 году! И хотя теперь французские их письма переводит компьютер, но нет-нет, а невольно вспоминается и Наталья Константиновна, и ее петропавловские уроки...

Москва, 2018 г.

